

ный путь духовного развития; направление жизни на евангельскую максиму; мирный внутренний характер братской жизни. Сам дух и смысл новозаветных отношений предполагает, что в них нет места конкуренции, «ненавистой розни мира сего», превозношению и господству. «Мы все должны стать родителями друг другу, все сейчас пастыри», — говорил исповедник веры архимандрит Сергей (Савельев).

Конференция завершилась совместным литургическим служением в Храме-на-Крови, которое возглавил епископ Серовский и Краснотурьинский Алексей. Была намечена тема следующей конференции «Братства и другие духовные союзы в годы гонений на Церковь».

Наиболее полное представление об экклезиологической проблематике, обсуждавшейся на конференции, читателям журнала может дать текст доклада свящ. Георгия Кочеткова, публикуемый с согласия автора.

*Сопредседатели оргкомитета конференции
Ю. В. Балакшина, О. О. Глаголев*

Священник Георгий Кочетков Братства как явление постконстантиновской эпохи (материалы доклада)

1. Каков смысл истории Церкви? Меняется ли что-то в ней по мере ее движения к концу? Может быть, это просто дурная бесконечность? Обычно люди думают, что история сама по себе или все в Церкви портит, объективирует, охлаждает, формализует или засушивает, или что, наоборот, она накапливает благодать, опыт святых и опыт божественного присутствия, чтобы более ранние поколения «не без нас достигли совершенства» (Евр 11:40). Но истина не там и не там, она включает обе эти тенденции.

При этом предполагается, что историческое время течет однородно, и что было, то и есть, то и всегда будет, пока не кончится само это время. Но и это неверно. История Церкви имеет свой смысл и ритм, в ней одна эпоха сменяет другую, меняя с этим и свои важные характеристики. Эта история к тому же может быть познана и как Священная история, и как история мирская, а они между собой находятся в очень напряженных отношениях.

Существуют разные периодизации церковной истории — более мелкие и более крупные. Самая крупная — деление церковной истории на три эпохи: доконстантиновскую, константиновскую и постконстантиновскую. Сама церковь ред-

ко чувствовала на себе переходы от одних больших эпох к другим, поскольку это требовало от нее большого напряжения, творческого самопознания (см., например, книгу Деяний) и даже пророческого откровения о себе (см., например, «Апокалипсис св. Иоанна» и апокалипсисы в Евангелиях, особенно проповедь Христа на Елеонской горе в Мф).

Но чем больше проходит исторического времени, тем острее чувствуются эти переходы от одной эпохи к другой. Давно стало ясно, что в церкви не случайно со сменой парадигм при императорах Константине Великом и Феодосии II, и еще более при императоре Юстиниане Великом, появлялись такие явления, как анахоретское и общежительное монашество с его новым аскетическим идеалом и практикой индивидуального спасения, вселенские соборы, система канонического права, жестко сформулированное догматическое учение, система литургических таинств и новая система церковного управления и церковной организации жизни через митрополии, а затем папства и патриархаты. А главное — новое отношение к иерархии в церкви и к так называемым мирянам, а затем и к государству и миру. Тут же возникла и теория «симфонии» церкви и государства.

Все эти характеристики вновь стали радикально меняться в церкви тогда, когда константиновский период церковной истории пошел к концу — начиная с нехристианской Французской революции на Западе и антихристианской Октябрьской революции в России. Духовно чуткие, прежде всего русские, люди это быстро увидели и оценили, назвав наступившую новую эпоху «постконстантиновской».

И впрямь, изменилось все. Подверглось и подвергается острой критике учение об индивидуальном, только личном спасении, а само монашество стало уходить из пустынь и монастырей, превращаясь по ходу то в «монашество в миру» (свт. Тихон Задонский и прп. Серафим Саровский, о. Валентин Свенцицкий и архиеп. Иоанн (Шаховской)), то в «иночество в миру» с заданием «идти в мир, где мира нет» (Ф. М. Достоевский). Вселенские и общеправославные соборы прекратили свое существование. Система канонического права не работоспособна, что показали и совсем недавние события общеправославного масштаба. Каноны все чаще применяются лишь в отместку неугодным церковному начальству людям, особенно клирикам. Система догматического учения оказалась нецелостной (вспомним симметричную и несимметричную христологию) и недостаточной (без соответствующего мистического опыта и «богословия»). Система литургических таинств потеряла свои границы (кто скажет, сколько сейчас имеется в Православной церкви таинств?) и не может ответить на вопрос о своих канонических, мистериальных и мистических границах. Система управления постепенно приводила, и наконец привела, к папизму и крайне вредной для канонической и мистериальной церкви клерикалистской экклезиологии, что может быть опровергнуто лишь Церковью мистической. Иерархия перестала быть церковной и стала надцерковной и обличается теперь как «неизбежное зло» в церкви (о. Сергей Булгаков). Новое ее понимание возникло, прежде всего, у новомучеников

и исповедников церкви Русской. Миряне уже не могут быть просто «мирянами», а хотят снова быть и называться «лайками», живыми и действенными членами живого и целостного Народа Божьего. Стали абсолютно невозможны старые отношения к государству и миру, тем более какая-либо теория «симфонии» церкви и государства. Не той стала сама церковь, не тем стало и любое современное государство. Их «симфония» превратилась в какофонию, пусть и в разной степени и в различных формах.

В итоге все мы вынуждены признать, что уже давно существуем и спасаемся не в константиновском, а постконстантиновском периоде церковной истории.

2. Что является самым главным в вопросе о смене церковно-исторических эпох? Прежде всего, изменение взаимоотношений людей с собой, Богом и ближними как внутри церкви, так и на границе между церковью и внешним миром. Например, в константиновский период не просто складывается каноническая система, но и становится господствующим юридический подход к ее пониманию и применению. Руководящая роль любви и благодати уходит в сторону или заменяется их символами, которые часто стараются отождествить с первореальностью. Этого не было в доконстантиновскую эпоху, этого не должно быть и в постконстантиновское время.

Не случайно уже 1 февраля 1918 г. свт. Тихон, патриарх Московский и всея Руси, призвал во всей Российской церкви создавать духовные союзы, общины, братства и сестричества. Иерархии срочно потребовалась помощь мирян для защиты церкви от гонений и посягательств со стороны иудео-большевистской власти и, соответственно, антихристианской, антироссийской и антирусской идеологии. Но не только с этой целью. Церкви как иерархии стали нужны и новые взаимоотношения внутри церкви между всеми ее членами, как потребовалось по-новому строить свои отношения и с миром — с государством, обществом и всем народом. Пришлось вспомнить, что отношения внутри церкви должны всегда носить личностный и соборный характер, а отношения церкви и мира, прежде всего с государством, должны быть свободными и независимыми. Церковь откликнулась на призыв свт. Тихона, но уже было поздно. Большевики яростно боролись с братствами и уничтожили их, а сейчас мы видим, что церковь забыла себя и то, что она сама должна быть братством.

Но что такое христианское братство? Разве их не было прежде, хоть в какую-либо одну церковную эпоху?

История христианских братств до сих пор не собрана, не описана и не осознана. И все же и сейчас никто из образованных христиан не будет спорить с тем, что в доконстантиновскую эпоху церковь и была братством, и жила как братство или община, и осознавала себя в этом качестве вполне адекватно. В константиновскую эпоху понятие братства чаще стали употреблять в отношении монашеских общин, а также на тревожных рубежах церкви — в миссионерских и воени-

зированных частях и ситуациях, при межконфессиональных и межрелигиозных конфликтах и т. п. Не случайно на Руси братства известны со второй половины XV в., со времени после Ферраро-Флорентинского собора. Позднее прославились Львовское, Луцкое, Виленское и Киевское братства. Некоторые из них стали даже ставропигиальными, так как в борьбе с унией надежды на местных епископов не было. Вне территории Руси было известно Святогробское братство в Палестине, о котором все мы до сих пор молимся на каждой литургии и т. д. Православные братства признавались церковной иерархией несмотря на то, что ни в каких канонах им места не было, они там вообще не значатся.

В России братства стали возрождаться в середине XIX в. В начале XX в. их были в стране уже сотни. Их начинали поддерживать как священники и епископы, так и верхи русского общества и государства. Но эти братства были очень разными. Некоторые из них были функциональными, например, миссионерскими или благотворительными, трезвенническими или связанными с богослужениями, но некоторые из них были универсальными, означавшими создание новой базы христианской жизни. Именно через них зарождалось понятие «иночество в миру».

Потребность в братских союзах начала осознаваться в России с конца XVIII — начала XIX в. Еще А. С. Пушкин в 30-х гг. XIX в. в беседе с А. С. Хомяковым отмечал как явление христианской братской любви то, что на Западе были «основатели братских общин, которых у нас нет». «А они были бы нам полезны», — заметил Александр Сергеевич. В церковной среде провозвестниками нового времени для церкви были все те же свт. Тихон Задонский и прп. Паисий и прп. Серафим. Позже в православной культуре — А. С. Хомяков и славянофилы, Ф. М. Достоевский и т. д., вплоть до Н. А. Бердяева, а в церкви начала XX в. — братство «32-х» петербургских священников, прот. Валентин Свенцицкий, ученики Хомякова и отцы Собора 1917–1918 гг. Н. Н. Неплюев и Н. П. Аксаков. Тогда же стали складываться братства и рядом с церковью, в просвещенном народе и обществе, например, «приютинское братство» (Д. Шаховской, В. Вернадский и др.).

Братства стали одним из мощных факторов создания русской православной общественности. И все-таки братства и самостоятельные общины оставались в церкви и обществе под подозрением. Их могли подозревать в сектантстве, страшась анархии, боясь свободы для всех и свободного проявления любви. В результате многие больше склонялись к революционному освободительному движению в обществе, а многие не понимали, как могут строиться связи братств с государством и церковной иерархией.

Ситуация радикально изменилась лишь с концом константиновской эпохи, когда в Россию пришел 1917 г. и когда в сентябре 1918 г. был насильственно прерван Великий Московский собор. Во время своей работы этот Собор многому научился, но довести дела до конца он не мог. А вскоре церковная традиция раздвоилась: одна часть пошла по пути клерикализма и коллаборационизма, а другая — по «по-таенному» пути созидания церкви через рождение новых общин и братств.

3. В целом можно смело утверждать, что для константиновского периода истории церкви не было характерно явление духовных семей-общин и братств. Они существовали лишь на периферии церковной жизни. Впрочем, никогда в православной церкви не было времени, чтобы их вовсе в ней не было. Могли существовать какие-то их частные, или вырожденные формы, или даже формы полусектантские и еретические, но стремление церковного народа к внутреннему и в то же время деятельному братству и общинному общению проявлялось всегда, то на Западе, то на Востоке.

Конечно, когда церковь была свободна от постоянной оглядки на высшую власть, на Римского или иного императора или на Римского или иного патриарха и папу, прежде всего в до- и постконстантиновскую эпохи, она выражала свою любовь и свободу именно в общинно-братской жизни и соответствующих ей формах своего устройства, общения и служения. Именно в эти эпохи явление общин и братств было наиболее характерно, хотя оно тоже могло происходить по-разному.

Например, в доконстантиновскую эпоху от апостолов до середины II в., во время господства преимущественно общинно-братской экклезиологии, братством была сама церковь, тождественная мистической Церкви как Телу Христову и как богочеловеческой реальности. С середины II в. до середины III в., во времена преимущественного развития евхаристической экклезиологии, в центр жизни церкви встала ноуменальная, таинственная евхаристическая община, которая оставалась в то же время и мистериальным братством. Наконец, с середины III в. до начала константиновской эпохи, когда стала господствовать поместно-приходская экклезиология, когда церковь находила себя уже не во Христе и Духе Святом, не во Святой Троице, а также уже и не в таинстве евхаристии, а прямо «в епископе» (св. Киприан Карфагенский), пусть он еще не встал над церковью, а мыслился «в церкви», возник феномен братства епископов по всей земле и братства пресвитеров вокруг своего епископа.

В постконстантиновский период братства и общины тоже могут носить или феноменальный, или мистериальный, или мистический характер, поскольку в это время существует смешение характерных черт все тех же экклезиологических моделей. Поэтому возникают братства мистического, богочеловеческого плана (например, Преображенское братство), существует стремление к устройению евхаристических общин, существуют и феномены функциональных, частных братств (например, братство православных врачей или братство хоругвеносцев, а также весь «Союз православных братств»).

4. Тут интересно посмотреть, какие братства имеют системообразующее значение в постконстантиновское время и почему?

Ясно, что если в постконстантиновское время церковь не имеет внешней, прежде всего государственной, поддержки, то ее сила должна исходить из нее самой, должна идти изнутри церковной жизни. Здесь по-новому должна быть явлена свобода человеческого духа и Свобода Духа Божьего.

Из этого понятно, что теперь в центре должны быть не функциональные и частные, а церковные, общинные братства, братства близкие к евхаристической общине и т. п. Это те братства, в которых только и может явить себя Богочеловечество, та мистическая Церковь, которая уже давно забыта, которая стала невидимой для большинства членов институциональной церкви. Ныне это чуть ли не единственный путь возрождения столь оскудевшей в наши дни веры в Церковь. Увидев обновление отношений между людьми в церкви, как и обновление отношений этих людей с Богом и миром, все верные люди смогут снова, но еще более твердо и обоснованно, сказать: «Верую во единую, святую, кафолическую (т. е. соборную и вселенскую) и апостольскую Церковь»!

Чтобы это произошло, необходимо иметь в виду не только положительные свойства церковных общин и братств, надо помнить и об опасностях, которые могут быть с ними связаны. Главная опасность здесь — это сектантство, в которое могут впасть братства и особенно отдельные общины, если они потеряют в себе ориентир и реальность личности и соборности. А это может легко произойти, поскольку в общине и братстве людям так хорошо жить, что им легко начать жить лишь для себя и с собой, легко забыть обо всем остальном и всех остальных, легко возвратиться и к идее индивидуального спасения. Тогда общение в общине может быстро превратиться в своего рода тусовку, а служение в братстве — в суету и многоделание, совершаемое не по воле Божьей и не по своему истинному призванию. Старшинство снова может обратиться в лидерство и внешнюю иерархичность, а межличностное общение харизм — в организмический функционализм или даже правовой или бесправный институционализм. Тогда и свободные дар и ответственность человека и церкви снова могут стать бременем индивидуальных и корпоративных обязательств. В такую церковь снова нельзя будет поверить, она будет скорее отталкивать всех от себя, а не притягивать к себе ради Христа и Дара Святого Духа.

5. Итак, мы можем констатировать тот факт, что церковные общины и братства, или, говоря по-другому, общинные братства и братские общины стали новым и важнейшим явлением в постконстантиновскую эпоху истории православной церкви. Их роль в эту эпоху весьма велика и важна, и она будет возрастать, если только церковь не выберет себе путь самоликвидации. В этом видна воля Божья, и иначе церковь становится совсем не похожа на мистическую Церковь Христа и Святого Духа. Для нас это есть важнейшее откровение свыше, важнейший итог всего XX в.

Православие, католичество и протестантизм очень обогатились общинно-братским опытом за последние сто лет, и это нас радикально сближает друг с другом. Достаточно сейчас вкратце вспомнить соответствующие деяния и писания в протестантизме — пастора Дитриха Бонхёффера, а в католичестве — о. Жака Лёва и Жана Ванье, фоколяров и общины св. Эгидия, братства Шарля де Фуко и др.

В Греческой православной церкви здесь важен опыт братства «Ζωή», ныне сохраняемый в братстве «Ὁ Σωτήρ», а в Румынской церкви — братства «Неопалимой купины» (*Rugul Aprins*) и «Воинства Господнего».

Конечно, для нас наибольший интерес представляет общинно-братский опыт Русской православной церкви. В советской стране в первой половине XX в. нельзя не обратить внимания на жизнь и деятельность возникшего еще в конце XIX в. Крестовоздвиженского трудового братства Николая Николаевича Неплюева и дочерних общин и братств единственного в нашей истории епископа-катехизатора Макария (Опоцкого), общин свщмч. Сергия Мечёва, общины архим. Сергия (Савельева) и еще Александро-Невского братства, выросшего до целого петроградского Содружества братств. В среде первой русской эмиграции возникло несколько братств, в том числе братство Святой Софии во главе с о. Сергием Булгаковым, а также близкие к братскому духу студенческие кружки, объединившиеся в Русское христианское студенческое движение (РСХД). Все русские братства показали примерную стойкость в вере и духе, они объединяли часто лучших священнослужителей и мирян, мужественно отдававших свою жизнь за Христа и Церковь. Вокруг многих служителей «потаенной» церкви в СССР также собирались своеобразные общины и братства.

Но история на этом не закончилась. После определенного перерыва в конце 50-х — начале 60-х годов XX в. благодаря деятельности исповедника веры Бориса Талантова, вновь возникает православное братство в Вятке (тогда в г. Кирове). Другой исповедник веры 2-й половины XX — начала XXI в. о. Павел Адельгейм воспитывался в благотворной общинно-братской среде в Средней Азии, в Ташкенте, где собрались выжившие братчики из разгромленных и уничтоженных советской властью братств России.

Потом был снова небольшой перерыв. Но уже во время «перестройки», в начале 1988 г. рождается первая община в Москве, к августу 1990 г. возросшая до целого братства, получившего свое имя в честь Христова Преображения.

Сейчас в Русской православной церкви существует по сути только одно это Преображенское братство — единственное сохранившееся явление церковной жизни снизу, от церковных корней. Были и другие, но они не выжили. Попытка руководства Русской православной церкви в 1991 г. создать официальный «Союз православных братств» кончилась неудачей, поскольку он создавался по шаблонам и лекалам константиновской эпохи, да еще и в условиях взявшей верх в результате неверия в Человека и Церковь клерикалистской экклезиологии.

6. Каковы же место и роль Преображенского братства в Русской православной церкви в настоящее время?

К сожалению, Преображенское братство сейчас единственное объединение православных христиан, живущих по духу, смыслу и критериям общинно-братской экклезиологии. Это-то и вызывает постоянное напряжение и недопонимание между Братством и церковью, и даже государством. <...>.

Конечно, жизнь в свободе и любви всегда может кого-то напрягать, и здесь не играют никакой роли ссылки на Евангелие и писания святых отцов и исповедников веры. На приходах постоянно выступают против самых невинных вещей: чтения и пения молитв самими прихожанами-братчиками во время богослужения, да еще по-русски; целования мира на литургии; регулярного, часто еженедельного причащения; даже того, что люди стоят в храме и идут к чаше вместе, а не порознь. Раздражают традиционные христианские трапезы — агапы, братское отношение друг к другу и к священнослужителям, повышенный уровень православного духовного образования, создание автономных образовательных учреждений, вообще самостоятельность в решениях и действиях, в том числе в работе с детьми и молодежью, зависимыми и созависимыми людьми, нуждающимися и т. д.

В Братстве всегда может ощущаться нужда в самоорганизации и самофинансировании, в проведении молитвенных, евангельских и прочих встреч по домам, в постановке вопроса о том, что не братство должно быть при храме, а храм при братстве. Братство всегда способно вмещать новые веяния в духовной жизни и в тоже время быть консервативной силой, строже других поддерживающей лучшие, но нередко утерянные традиции жизни нашей церкви, народа и общества как целого, и это тоже всегда кому-то может не нравиться. То же можно сказать и о стремлении всех братств и общин к возрождению в Духе, движению вперед, к рецепции и консенсусу во всех принципиальных вопросах церковной жизни, причем в первую очередь снизу, начиная с церковного народа, несущего в себе дух подлинной личности и новой соборности.

7. К сожалению, церковь разучилась жить и мыслить именно так, церковно, в единстве веры, надежды и любви, в свободе и творчестве, без страха и упрека. И именно это требует от нее общецерковного покаяния и возрождения, в чем бесспорно видна воля Божья, которую надлежит исполнить всем, не исключая священноначалия и людей праведной жизни. Именно в этом и заключается залог нашей общей достойной христианской жизни в настоящем и будущем.

Если к началу XX в. провалились все другие типы православной жизни и соответствующие им экклезиологии, то явление в церкви общин и братств и соответствующей экклезиологии может и должно стать настоящим выходом из ныне сложившегося в церкви трагического положения. Именно христианские общины и братства призваны в наше время поддержать «скинию Давидову падшую», возродить полноту жизни Церкви и все служения в ней.